

16+

Владилен Елеонский

Оберег

История одного продюсера

Владилен Олегович Елеонский

Оберег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40843385

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0802-8

Аннотация

Известный шестидесятилетний музыкальный продюсер желает отомстить таинственным махинаторам, которые при помощи молоденькой певицы разорили его. На пути к своей цели он сменил внешность, имя, поднялся со дна, установил личности своих врагов и в конце концов отомстил им, но в результате понял истинную подоплеку и сам занял место тех, с кем свел счеты.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	37
Глава пятая	46
Глава шестая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Моему однокашнику по ВИППК Госкино России
Вячеславу Вячеславовичу Разбегаеву посвящаю

Пролог

Спешу разочаровать любителей клубнички, ожидающих разнообразные, так сказать, интимные сцены из жизни продюсеров. Все портит стереотип, согласно которому от решения продюсера зависит судьба многих талантливых девушек, и все они, конечно, рвутся к нему в постель.

Все как раз наоборот. Работа продюсера, как любая творческая работа, это, если смотреть со стороны, настоящая каторга, и лишь тот, кто посвящен в процесс, действительно понимает, в чем здесь заключается истинное удовольствие.

Если девушка рвется к вам в штаны ради карьеры, то, скорее всего, как певица она никакая. А если продюсер предлагает в качестве условия выхода на большую сцену постель, то здесь все понятно, – он хочет расслабиться от напряженных будней с девушкой, у которой всего два таланта – длинные ноги и смазливая мордашка. Из такой при всем желании звезду не сделаешь, и позже она сама поймет.

Я занимаюсь певицами, поэтому, естественно, буду говорить о певицах. Во все века еще со времен Древнего Египта и Древнего Вавилона у певицы ценятся голос, слух, чувство ритма, шарм и образ, – пять китов, которые выносят ее на вершину карьеры на своих широких спинах. К примеру, смотришь на девушку и не можешь отделаться от мысли, что перед тобой стоит богиня Астарта. Вот оно – начало!

Постель как трамплин, бывает, не спорю, однако все происходит так, как у нас у всех, а не так, как искаженно тиражируется в мифах, – приходит настоящее чувство, взрыв эмоций, то, чего мы все подсознательно хотим и зовем любовью. Если чувство приходит к продюсеру, то выходит, что у претендентки есть, по крайней мере, два важнейших качества, необходимых на сцене, – шарм и образ.

Так личное соединяется с профессиональным. Покорить продюсера не просто, однако если он все-таки покорён, публика, наверняка, будет покорена тоже.

Остаются голос, слух и чувство ритма, однако их можно развить искусственно при помощи специальных упражнений. Не секрет, что такие обаятельные личности, как Евгений Леонов, Марк Бернес и Андрей Миронов, страдали от недостатка слуха, и ничего, выкручивались и не просто выкручивались, а пользовались бешеной популярностью не только в театре и кино, но и на эстраде. Песни, которые они исполняли, до сих пор помнят многие.

Кто-то скажет, что, мол, еще появились продвинутые технологии обработки звука. Согласен, однако сейчас я веду речь о профессионалах, а не о тех, кто проник на большую сцену по пресловутому благу, ведомый своим невежеством, помноженным на дикую уверенность в себе, в общем, лишь бы выпендриться и удовлетворить свое непомерное самолюбие.

Если талантливая певица становится пассией продюсера,

то этот тандем может свернуть горы, преодолеть многие козни и смести с дороги досадные недоразумения. Даже если он распадется, звездочка на небе эстрады уже зажжется.

Многие любовные отношения заканчиваются семейными отношениями, эдаким эстрадным семейным бизнесом, и музыкальный шоу-бизнес не является исключением. Вот такая вот постель.

Что касается меня, то музыкальным продюсером я стал довольно поздно, вначале служил в органах внутренних дел, однако после развала Советского Союза все пошло в разнос. Я пробовал заниматься наукой, преподавать, но не сумел терпеть наступивший бардак и ушел из органов. Затем прошли годы, прежде чем я выучился на продюсера и стал вести свои проекты.

Поначалу никаких заметных успехов достичь не удалось, все циркулировало на уровне заштатной сцены в ресторанчике на окраине столицы. Временами я впадал в тихое отчаяние, а когда ушла жена, стало совсем худо. Никто в меня не верил, и я сам в себя иногда переставал верить, это был настоящий ужас, и от этого можно было сто раз сойти с ума. Тем не менее, свеча в моей груди не погасла и чувствуя ее тепло, я не опускал руки.

Так продолжалось до тех пор, пока я не встретил Ивана Рогожина, юркого человечка со связями. Он буквально перевернул мою жизнь и как будто острым лучом разорвал серые будни. Если бы я знал тогда, к каким жутким событиям

приведет наше знакомство, то, конечно, с ходу послал бы его ко всем чертям, однако обо всем, наверное, следует рассказать по порядку.

Глава первая

В детстве меня удивляло, что в школе и по телевизору мы уверенной поступью дружным строем двигались в светлое будущее, а на улице не давали проходу выпивохи у магазина и хулиганы в подворотне. Официально внушалось, что, мол, все построено для вас, дорогое наше молодое поколение, но есть еще кое-кто и кое-где у нас порой...

Наверное, поэтому я поступил в высшее учебное заведение МВД, после окончания которого попросился на службу в уголовный розыск. С первых месяцев работы меня поразила беспомощность милиции. Она не имела ни одного учета, способного на самом деле помочь раскрытию преступления. Широко рекламируемая в советских фильмах дактилоскопия на самом деле помогала раскрывать лишь один процент краж, при этом на пополнение и ведение дактилоскопической картотеки тратились значительные средства.

Царила ужасающая текучесть кадров. Все оперативники были завалены бумажной работой, каждый день писали какие-то нескончаемые справки, отчеты, планы на день, неделю, месяц, квартал...

Каждое утро тянулись муторные совещания личного состава, на которых наше начальство интересовало лишь одно, – не дай бог, если процент раскрываемости опустится ниже показателя, спущенного сверху партийными органами.

Кураторы из КГБ принимались и присматривались к нам, словно мы были чумными, а работники прокуратуры и суда вообще за людей не считали.

Офицеры, прослужившие в розыске более десяти лет, а таких можно было пересчитать по пальцам, имели явные признаки алкогольной зависимости и интеллектуальной деградации. Счастливые исключения имелись, но к этим способным парням, сыщикам, как говорится, от бога, начальство почему-то не благоволило, более того, относилось с опаской.

В общем, советским Шерлоком Холмсом я не стал не потому, что не хотел (очень хотел!). Просто не нужны были советскому уголовному розыску Шерлоки Холмсы. Система усиленно имитировала бурную деятельность, и кто-то наверху, конечно, имел с этого неплохие дивиденды, а нам, рядовым сотрудникам, была уготована участь баранов.

В полной мере осознал я это гораздо позже, а тогда думал по своей наивности, что, наверное, штабам не хватает людей, любящих анализировать, и пошел в науку. Едва я начал учиться, как обрушили Советский Союз, и некоторые мои особо продвинутые в плане держания носа по ветру однокашники бросили к чертям свинячьим свои диссертации и пошли в адвокаты, банкиры и коммерсанты. Один, например, говорю серьезно, стал перегонять КАМАЗы.

Я остался, потому что очень любил науку, защитил диссертацию, которая вызвала много вопросов у оппонентов,

поскольку я заговорил о совести. Парадокс в том, что если от имени государства выступают недобросовестные люди, занимающие ключевые должности, то граждане страдают, а их права ущемляются. Короче говоря, если мы реализуем право, но забываем про совесть, ничего не получится, – вот мысль, которая красной нитью проходила в моем *opus vitae*.

Такое осмысление многим членам диссертационного совета показалось опасным вольнодумством, и я все никак не мог понять, за что они на меня ополчились, что такого крамольного я сказал. Зеленым был еще...

Защита, тем не менее, состоялась и кандидатскую степень мне присвоили, хотя кто-то при голосовании все-таки выкатил черный шар, наверное, чтобы я запомнил и понял, что умничать и разглагольствовать о совести не стоит. Меня оставили на кафедре, однако преподавание не принесло ожидаемого удовлетворения. Я регулярно получал замечания, что веду занятия не по учебникам и развиваю в слушателях органов внутренних дел самостоятельное мышление.

Я жаждал смысла, а получал лишь одну сплошную бессмыслицу, и мне иногда хотелось войти в пустой лекционный зал после очередной ватной лекции «по учебнику» и закричать отчаянным голосом нашего замечательного космонавта Владимира Комарова, погибшего во время аварийного спуска с орбиты:

– Проклятая машина... за что ни возьмешься, ничего не работает!!..

Я хотел видеть результат своей деятельности и благодарные лица людей, поэтому плюнул и без сожаления уволился из органов по собственному желанию, благо что теперь в отличие от советских времен никто ничего не спрашивал, офицерские кадры еще той, советской закалки удержать не старался и воспитывать никого не собирался. Я искренне верил, что страна находится на судьбоносном изломе и открываются новые колоссальные возможности.

С самого детства у меня было много творческих задумок. Поступить в институт кинематографии на режиссерский факультет мне не удалось, не прошел по конкурсу. После этого я год подрабатывал на Мосфильме статистом, окончил курсы каскадеров Аква-трюк, на которой научился прыгать с десятиметровой вышки и нырять на глубину до шести метров с маской и трубкой. Запомнилось шоу на день Военно-морского флота в Севастополе, которое проводила наша школа каскадеров. Я участвовал в постановочных рукопашных боях, подводном плавании и взрывах во время инсценировки морского боестолкновения в Севастопольской бухте.

Через год я поступил в институт кинематографии и успешно окончил его по специальности «продюсер теле- и кинопроизводства». Планов было громадье, однако карьера в кино не сложилась, – не было серьезной поддержки.

Простой вызвал неприятности в семейной жизни. Жена, как я говорил, от меня ушла, однако после ее ухода у меня вдруг открылась непреодолимая тяга к сочинению песен. Я

буквально забурлил ими, причем кожей чувствовал, как их следует исполнять, – каким мотивом и с какой душевной интонацией.

В кино и на телевидение мои песни не пробились, может быть, их просто даже не читали, а вот в ряде подмосковных ресторанов имели определенный успех. Так бы я, наверное, и ездил по провинциальным городам до скончания века, выращивая местных ресторанных певиц, если бы не упомянутый выше Иван Рогожин, в один из вечеров подсевший ко мне за столик со стаканом коньяка в руке. В тот трепетный момент я ловил очередную минуту своей провинциальной славы после того, как моя воспитанница исполнила мою песню, которая вызвала слезы на глазах подвыпившей публики.

– А я вижу вы, Сергей Владиленович, нащупали-таки кое-какие заветные кнопки на дебелим теле зрителя, – живо сказал он, лихо махнул коньяк в рот и зажег сигарету. – Не желаете ли чего-нибудь гораздо более масштабного? С вашей песней «Девочки меня целуют» мы произведем фурор, обещаю.

Выяснилось, что Рогожин организовывал в этом городе и некоторых других городах концерты для одной очень известной певицы и теперь вместе с ее творческой группой отмечает успешное окончание гастролей. Настроение у него было превосходное, час оказался прибыльным, и мы разговорились.

Раньше я много слышал о Рогожине, а теперь увидел его

воочию. Этот подвижный похожий на колобка пухлый человек с крупной совершенно лысой головой, мохнатыми брежневскими бровями и пытливыми выпуклыми глазками на маслянистом лице мог наворотить только за один день целую кучу дел, и один лишь его вид вызывал если не смех, то благосклонную улыбку, это точно.

Он имел репутацию удачливого импресарио, способного найти общий язык с любым администратором, любой певицей и любым губернатором. Поговаривали, что он вхож в высокие кабинеты, в том числе кремлевские, и его обожают не только чиновники, но также молоденькие женщины и дети. В тот памятный вечер я сам лично убедился, что обаяние у него в самом деле зашкаливает, и он может понравиться решительно всем и каждому.

Короче говоря, мы начали работать вместе. Как он и предвидел, моя песня «Девочки меня целуют» получила второе рождение, гораздо более резонансное, чем первое. Скоро я услышал, как пьяные мужики, выйдя из ресторана покурить на улице, поют мои куплеты.

Вот один из них:

Все пробьет лишь твердый лоб,

Даже сталь, броню и гроб...

Будут девочки любить,

Понял, брат, как надо жить?

Я не постеснялся, подошел к ним, они оказались работниками какого-то комбината и поинтересовался, не знают ли

они, кто написал песню. Все стали бубнить что-то невразумительное, а один парень вдруг выдал на-гора.

– Так это, я знаю, Тарасенко Сергей Владиленович ее написал, – с гордостью сказал он так, словно говорил о своем старшем брате. – Между прочим, вот такой мужик!!

Он вытянул передо мной оттопыренный вверх большой заскорузлый палец. Я не стал его разочаровывать известием о том, что автор песни стоит перед ним. Тем более, что он все равно не поверил бы. Я вдруг почувствовал, что, кажется, что-то в моей жизни, в самом деле, сдвигается.

Предчувствие не обмануло, и закрутилась хлопотная, но приятная карусель. Я дал новую певческую жизнь таким известным группам, как «Белые медведи», «Три сутенера», «Подлая Кассиопея», «Троянский конь» и «Якутская Пирамида». Успех у зрителей без преувеличения был просто бешеный!

Гастроли, в которых Рогожин плавал, как пингвин в океанской воде, следовали друг за другом нескончаемой чередой, а провинциальная публика, тем не менее, все никак не могла насытиться. У меня стали брать интервью известные журналисты, а мои песни стали каждый день крутить на радио, и вдруг наступил еще более радостный момент, – моих «Девочек...» исполнил известный певец на концерте года в Кремле. В общем, благодаря Рогожину мир узнал обо мне, и Фортуна, повернувшись, наконец, ко мне лицом, опрокинула на меня свой Рог изобилия.

Рогожин находил кандидатов на раскрутку, которые были готовы платить большие деньги, так он говорил, а я в свою очередь старался как мог и собирал мед словно пчелка. Не знаю, какой процент Рогожин брал себе, мне он открыл счет в банке «Олимпия», и на него поступали средства, которых мне хватало на хлеб не только с маслом, но иногда и с икрой.

Так продолжалось около года, а затем мы снова встретились в ресторане, на этот раз элитном московском, здесь проходил закрытый новогодний корпоратив. Очередная моя звездочка удачно зажигала зрителей – коллектив какого-то крупного кредитно-финансового учреждения, название которого почему-то не афишировалось, видимо, огласка в средствах массовой информации была не желательна.

Среди пестрой публики выделялись два колоритных типа – огромные как моржи, по-борцовски плотные совершенно седые братья-близнецы с красными лицами гипертоников и довольно неприятными наглыми глазами навывате. Они вальяжно развалились за отдельным столиком, им несли самые лучшие напитки и закуски, а официанты и администраторы лебезили с ними так, словно от того, понравится или не понравится им предлагаемое обслуживание, зависела жизнь и судьба ресторана. Одиозные типы смотрели на окружающих свысока, словно не люди веселились вокруг них, а надоедливые мошки.

Глава вторая

Рогожин, как тогда, в Ярославле, вдруг подсел ко мне за столик, где я сидел в гордом одиночестве, дабы спокойно сосредоточиться на бенефисе своей певицы, выделить в нем плюсы и минусы.

– Извини, Владиленыч, что отвлекаю, – с места в карьер начал он и привычно махнул в рот стакан коньяка. – Дело неотложной важности. Ты даешь, скажу я тебе, жару, монстр ты, однозначно монстр!

– Я не совсем понимаю.

– Сейчас поймешь. Смотри, что твоя вытворяет, с пол-оборота завела публику и почти довела ее до полного экстаза, осталось чуть-чуть дожать. Сможет?

– Посмотрим.

– А я тебе говорю, сможет! Не первый год, как говорится, замужем... не она – я! Поэтому знаю.

– Это-то я давно понял, только вон те двое, похоже, ничего, кроме раздражения, не испытывают.

Я кивнул в сторону самодовольных братьев-близнецов, а Рогожин вдруг захихикал в ответ, довольно потер руки и посмотрел на меня так, словно увидел неуклюжее, однако чрезвычайно сообразительное насекомое.

– Их реакция – еще не показатель, – с заговорщицким видом сказал он, – их даже Аллой Пугачевой не прошибешь.

Ты лучше вот о чем подумай. Влиятельные спонсоры тобой всерьез заинтересовались, желают вкладывать в тебя деньги, а это большая ответственность. Клиенту можно не угодить, тогда разорвали контракт и до свидания, а вот с этими людьми так не получится, – не угодить им невозможно. Все их пожелания следует выполнять беспрекословно, точно и в срок. Мне нравится, что ты не пьешь, не куришь, на миллетные романы не размениваешься, в бассейн ходишь... плаваешь?

– С вышки прыгаю по старой каскадерской памяти и под водой форму поддерживаю.

– Зачем под водой?..

– Просто нравится.

– Сколько можешь проплыть?

– Пятьдесят метров без проблем, а если постараться, то и все сто.

– Без кислородных баллонов?

– Ага, и даже без маски с ластами, и в одежде, а не в плавках.

– Ай, молодец! Говорю, монстр ты, Владиленыч, одно слово, монстр. В общем, давно я к тебе присматриваюсь, и, как оказалось, не я один. Ты – парень правильный, трудолюбивый, ответственный, исполнительный, поэтому хватит гнить в своей «хрущевке», у тебя там я слышал, канализацией воняет, а коммунальщики только руками разводят...

– Есть такое дело. Я с ними два года сужусь.

– Нет, так не пойдет, тебе следует всецело посвятить себя творчеству.

– Да я бы рад, но...

– Тебе дарят собственную студию.

Я вскинул голову и изумленно расширил глаза.

– Собственную студию?..

– У тебя, видимо, от подводного плавания серные пробки в ушах образовались. Плохо слышишь? Сходи к отоларингологу, проверься.

– погоди, прямо вот так берут и дают?

– Сейчас твой успех на тебя, брат, работает, они спешат, потому что боятся, как бы тебя кто-нибудь у них из-под носа не утащил. Вот почему с ходу мутят, чтобы коготок твой увяз, и предлагают такое, от чего ты ни за что не откажешься, – собственную студию.

– А где, в каком районе Москвы они ее арендуют?

Рогожин откинулся на спинку стула и жизнерадостно расхохотался.

– Опером ты был, преподавателем, каскадером, а вот клоуном в цирке, кажется, еще не успел. Соберись, мозги включи!.. Я смотрю, ты не понял, какие перспективы перед тобой открываются. Арендовать!.. Тоже мне сказал. Выбирай, – либо особняк на Рублевке, либо средиземноморская яхта класса люкс. Порт базирования – Кипр, Лимасол. Кстати, в Лимасоле сможешь арендовать апартаменты для жилья, а суперсовременная студия звукозаписи будет оборудована на яхте.

Я без преувеличения просто обалдел.

– Рогожин, так твою, ты сегодня, кажется, слишком много на грудь принял. Хватит меня разыгрывать!

Мой великолепный импресарио вдруг сделался чрезвычайно серьезным, приблизил ко мне свое мигом побагровевшее лицо и уставился мне в глаза своими ледяными и совершенно трезвыми глазами, словно он весь вечер не коньяк стаканами хлебал, а цейлонский чай.

– Ты начинаешь доставать меня своей простотой, Владиленыч!.. Ты, наверное, еще плохо меня знаешь и пока что не различаешь, когда я, в самом деле, шучу, а когда говорю предельно серьезно. Пойми, пожалуйста, на кону лежат не только большие деньги, но наши с тобой мушиные судьбы и жизни. Это нам только кажется, что мы живем сами по себе. Есть вершители наших судеб, вполне реальные себе люди во плоти, и попасть к ним в обойму, значит, состояться в жизни. Ты еще не понял, как тебе крупно повезло. Ты свой банковский счет давно проверял?.. А?.. Вот видишь. Так что лучше сходи, проверь и не пытайся быть клоуном. А особняк или яхта, это, так сказать, довесок, особый подарок от спонсоров, так мы будем их условно называть, который на самом деле не подарок вовсе, а инвестиция в твое творчество, которое к счастью для тебя при моем горячем содействии оказалось востребованным. Публика и издательства – это хорошо, но этого явно недостаточно! Творчество твое должны принять вершители судеб, только тогда твоя жизнь, в самом деле, со-

стоитя, и ты поймешь, что ты действительно человек, а не сомнамбула в лунном свете.

Когда на следующий день я через Интернет вошел в свой банковский аккаунт, то едва не уронил ноутбук с колен, – у меня зарябило в глазах от количества цифр, и я, наверное, минут пять все никак не мог поверить, что у меня на счету теперь тридцать четыре миллиона сто сорок пять тысяч рублей и еще пятьдесят семь копеек в придачу. Мне вдруг вспомнился сон, он приснился мне еще до встречи с Рогожиным.

Я иду по улице совершенно голый, никто не обращает на меня внимания, и вдруг я вижу, что мне навстречу идет моя бывшая жена, как всегда элегантная, статная, с безупречной стрижкой под каре и удачным макияжем. Сердце мое замирает, а она, странно покосившись на меня, проходит мимо. Обернувшись, я вижу, что она тоже оборачивается и вдруг благосклонно протягивает мне руку.

– Тебе не холодно? Все люди в пальто.

– Мне не холодно, мне больно.

– Верни перстень на безымянный палец.

– Неприятные воспоминания.

– Глупенький! Обязательно надень его. У тебя все наладится, я тебе тогда не сказала, что это не обычный перстень, а перстень-оберег.

Я пытался удержать ее, но ее нежные розовые пальчики выскользнули из моих, и она растворилась в толпе прохожих.

Проснувшись, я долго размышлял, затем, в конце концов, открыл шкатулку моей покойной мамы, там, кроме ее ювелирных украшений, хранился с виду простенький серебряный перстень с черным агатом – подарок, который мне сделала перед свадьбой моя бывшая супруга. Наш жаркий роман оказался скоротечным, и мы разошлись, едва успев пожениться.

– Какая кошка между вами пробежала? – спрашивали меня друзья.

Самые умные им отвечали за меня:

– Да они птицы разного полета, неужели не видно?

Сейчас, достав перстень из шкатулки, я как будто взглянул на него совершенно другими глазами. Он был достаточно прост, однако серебро крепко потемнело от времени, что свидетельствовало о его почтенном возрасте, и, присмотревшись, я вдруг различил рассыпанную по ободку истертую надпись на латинском языке «*Aquila non captat muscas*».

– Орел не ловит мух, – без труда перевел я ее, потому что мой покойный отец очень любил повторять эту известную латинскую поговорку.

Я подумал, подумал и положил перстень обратно в шкатулку. Через некоторое время моя бывшая супруга приснилась мне снова, на этот раз она, не снимая плащ, прошла в мою спальню и села в кресло в углу у торшера.

Я в изумлении поднял голову.

– Ты?..

Она сидела в кресле, грустно смотрела на меня своими глубокими карими глазами под прекрасными бровями вразлет и молчала. Я вздрогнул и проснулся в холодном поту.

В этот раз сон подействовал. Я стал носить перстень, а через некоторое время произошла описанная мною выше судьбоносная встреча с Рогожиным.

Теперь увидев кругленькую сумму на своем счету, я снова вспомнил о перстне и посмотрел на него. Серебро на нем как будто стало немного светлее, и от этого мне сделалось не по себе. Неужели этот перстень, в самом деле, оказывает какое-то влияние на мою судьбу?

Что касается предложения, озвученного Рогожиным, думал я недолго. Мой выбор пал на яхту, и на то было несколько причин.

Наверное, не нужно рассказывать москвичам о том, что такое мегаполис. Я устал от выматывающих душу дорожных пробок и чрезмерного скопления людей.

Помимо этого, мне давно хотелось посмотреть мир, набраться новых впечатлений и теперь, когда у меня, наконец, появилась такая возможность, вряд ли было разумно упускать ее. Яхта в открытом море – романтическое место, а романтика в творчестве – первостепенное дело. Певицы, композиторы и продюсеры, наверное, более охотно согласятся прибыть на палубу класса люкс, чтобы не только поработать, но позагорать и весело отдохнуть. Им, как творческим личностям, тоже нужны новые впечатления. Когда творческая

группа пребывает на борту яхты, ее легче контролировать, люди невольно подчиняться расписанию, принятому на борту, и так далее.

Короче говоря, много было плюсов именно в пользу яхты, и я был рад сообщить Рогожину о своем выборе.

– Молодец, Владиленыч, выбор верный, яхта как творческая студия сослужит тебе великолепную службу!

А дальше все завертелось и закрутилось. Я улетел в Ларнаку, где представитель международной фирмы «Два коня», здоровый под два метра великан с редкой шевелюрой на массивной голове, крупными чертами лица и насмешливыми глазами, двадцать лет отлетавший в гражданской авиации вторым пилотом, и теперь севший на торговлю яхтами и самолетами, встретил меня в аэропорту, привез в морской порт Лимасола и представил капитану яхты – флегматичному невысокому бородатому греку-киприоту с красивыми большими глазами-оливками, покрытыми очаровательной грустной поволокой.

Я ожидал увидеть какую-нибудь скромную моторную яхточку, и когда мой провожатый показал на предназначенное мне судно, то вначале просто не поверил. Белая как лебедь яхта поражала своими изящными формами и размерами, – имела в длину тридцать семь метров, а в ширину – восемь, и могла развивать скорость двадцать один узел.

Прежде чем оформлять бумаги, мне дали возможность совершить своего рода тест-драйв, – выйти на неделю на мо-

ей красавице в один из многочисленных заливов Кипра.

– Познакомьтесь с яхтой, присмотритесь к капитану. Если он вам не понравится, мы его заменим. Ваш экипаж, – это капитан и вы, так что вопрос серьезный, а выбор за вами. При желании вы можете нанять еще кого-то, или сами окончить курсы и получить права шкипера, однако все вопросы согласовывайте с капитаном, от этого зависит ваша и его безопасность в море, поэтому плохого он вам в любом случае не посоветует.

Глава третья

Федрос мне понравился сразу. Он был моряком не по диплому, хотя таковой, конечно, у него имелся, а по крови. Он знал русский язык, говорил спокойно, размеренно и неторопливо, и мы с ним мгновенно подружились.

Он был на яхте всем – капитаном, штурманом, боцманом, матросом, а, кроме всего прочего, – фельдшером, барменом, шеф-поваром, пожарным и спасателем. В общем, он был на яхте всем, и в самом деле мог все!

Федрос показал мне капитанскую рубку, а затем провел по остальным помещениям яхты. Теперь я понял, почему он легко справлялся с таким большим для одного члена экипажа судном. Все операции, даже швартовка, были роботизированы.

Мое внимание в первую очередь привлекла, конечно, просторная кают-компания с просто огромными солнцезащитными иллюминаторами. Помещение было разделено на две части, – в одной располагался большой круглый обеденный стол, на который обеды подавались через изящное раздаточное окно кухни, а кухня имела информационный дисплей и была соединена с рубкой капитана. Находясь на кухне, он мог без проблем одновременно следить за приготовлением блюд и с помощью интерактивного компьютерного дисплея управлять яхтой. Компьютер был для капитана старшим по-

мощником, штурманом и рулевым.

Вторая половина кают-компания была переоборудована из зоны отдыха в звукозаписывающую студию. Здесь также все было компьютеризовано, и мне осталось лишь разобраться с сенсорными кнопками на дисплее, на что много времени не ушло.

После обеда капитан помог мне разместиться в главной каюте, это была превосходно обставленная спальня с королевской кроватью, прекрасным обзором из иллюминаторов и выходом в ванную комнату, которая предназначалась только для хозяина яхты. Каюта имела письменный и компьютерный стол, что для меня было очень кстати. Именно после того, как я увидел свою каюту, я окончательно поверил в то, что моя давняя мечта, в самом деле, сбылась. Отсюда открывался вид практически такой же, как из капитанской рубки, а наверху, на свежем воздухе, были оборудованы солярий и великолепная обзорная площадка, на которой можно было не только стоять, но и сидеть вокруг кофейного столика на удобном опоясывающем диванчике, беседовать, наслаждаться красотой и свежим воздухом, устраивать легкий перекус.

Затем мы спустились на нижнюю палубу, и капитан показал мне шесть довольно милых кают для гостей. Каждая из них имела свою отгороженную от основного помещения отделанную под мрамор огромную душевую. Когда мы спустились в моторное отделение, я с удивлением узнал, что яхта не сбрасывает отходы в море, а перерабатывает их в электри-

чество, которое аккумулирует для своих нужд.

Буквально все на борту было экономично и эргономично, имелась даже своя теплица с овощами и зимний фруктовый сад. Яхта обслуживала себя сама, капитану оставалось лишь наблюдать и в случае необходимости нажимать на кнопки.

Отдохнувшим и посвежевшим я вернулся в порт, подписал все необходимые документы, и изумительное судно перешло в мою собственность. Затем, последовав совету продавцов, я прошел трехнедельные курсы и получил права шкипера. Благодаря усилиям обаятельного Федроса я преуспел в искусстве яхтинга и стал подменять его тогда, когда мне хотелось, или выступал в роли помощника капитана. А затем начались рабочие будни с той лишь разницей, что раньше я встречался с творческими группами там, где придется, а теперь они прибывали в порт Лимасола, и я принимал их на своей яхте, специально подготовленной к творческому процессу.

Яркое солнце, которого так не достает северному человеку, свежий морской воздух, прекрасное питание, основанное на морепродуктах, великолепные виды, все это вкуче делало свое дело. Производительность моего труда увеличилась втрое, а мои песни получили иное ранее неведомое мне дыхание.

Через полгода две песни стали хитами и принесли мне несколько десятков миллионов рублей. Сказалась, конечно, поддержка новых спонсоров, поскольку теперь все мои пес-

ни раскрывались по полной программе – на радио, телевидении, в газетах, журналах и Интернете.

Правда, один раз едва не случился скандал. Одна из молоденьких моих звездочек, подвыпив на радостях от сногшибательного успеха, последовавшего после исполнения ею моей песни на телевидении, попыталась крутануть сладкие шашни с капитаном, однако Федрос остался непоколебим, чем еще больше внушил к себе мое уважение и завоевал еще больше доверия. Он успокоил ее даже не как отец, а как любящий дед, и ей стало стыдно.

Я любил наблюдать за ним, когда он отключал автоматику. Яхтой он управлял буквально одним мизинцем, в компьютерах разбирался так, словно сам их лично собирал, а в компьютерных программах, словно сам их разрабатывал. Еду готовил восхитительно, особенно хорошо ему удавался шашлык из барана, а одну певицу бальзаковского возраста, которой вдруг стало плохо, видимо, сказался тяжелый перелет из Красноярска, он привел в чувство парочкой уколов в ягодицу и вену.

Я чувствовал себя счастливым, или почти счастливым. Конечно, для полного счастья не хватало любви, но у меня был столь негативный опыт семейной жизни, что отсутствие любимой женщины, кажется, нисколько не тяготило, и с некоторых пор мне стало казаться, что, наверное, мой возраст любви канул в Лету.

Случались дни отдыха, и тогда мы выходили на рыбалку

не рыбы ради, хотя только что выловленная из моря зажаренная рыбка – это было нечто, а для отвлечения от забот, потому что из месяца в месяц нескончаемой чередой к нам на борт тянулись гости, и я как шахтер уголь выдавал за каждую такую смену несколько песен, а иногда и песенный альбом.

Очень скоро обо мне во весь голос заговорили музыкальные журналы, и раз в месяц обязательно приезжала какая-нибудь чрезвычайно общительная молодая журналистка, надеясь вытянуть из меня жареную новость или некий особый секрет, чтобы хоть как-то позабавить искушенную публику.

Однако самым главным моим секретом было наличие нормальных условий для работы и то, что каждое утро, едва поднявшись с постели, я, не умываясь и не одеваясь, сразу садился за стол и писал все, что приходит в голову, пусть даже откровенную лабуду. Очень часто тексты, которые поначалу мне казались просто ерундой, позже при повторном прочтении вдруг обретали смысл, становились неплохими песнями, а некоторые даже хитами. Вот и весь секрет!

Понятное дело, что такая проза жизни моих журналисток не устраивала, и все, что они в тот период выдумали про меня, пусть останется на их совести. Ничего такого не было! Одна особенно смазливая и ловкая даже смогла лечь ко мне в постель, и, слава богу, что мне удалось отбиться от нее без больших потерь.

Иногда я тихими поздними вечерами стоял на верхней па-

лубе у фальшборта, смотрел на звездное небо, которое в море выглядит особенно сочно, и мне начинало казаться, что все происходит во сне. Свежий ветер ласкал лицо, приводил в чувство и тогда, убедившись, что это не сон, я шептал Вселенной слова благодарности за то, что она заметила меня и предоставила возможности, о которых я так долго мечтал.

Из благостного состояния меня вывел ролик в Ютубе. Всем известный Анатолий Великанов, не так давно вставший во главе загадочного Фонда борьбы с коррупцией и сам себя провозгласивший главным борцом на этой скользкой стезе [что считать коррупцией?], посвятил, как оказалось, моей персоне целых десять минут драгоценного Интернет-ресурса.

По поводу воззрений Великанова я не питал совершенно никаких иллюзий. Он почему-то решил, что средства государства – это средства народа, и, ступив на эту шаткую почву, которая не согласуется ни с одним историческим фактом за все время существования известных науке государств, превратился в демагога и популиста. Поиграть с народными массами в будущего справедливого царя – дело до боли знакомое, кто только не приходил давать народу волю, от большевиков до Стеньки Разина, отличие состояло лишь в том, что Великанов в качестве оружия стал использовать информационные возможности Интернета.

Конечно, обыватель, хрустящий сухариками под пиво перед экраном монитора, услышав о каких-то там миллиардах

государственных средств, которые при помощи замысловатых схем выводятся из бюджета неизвестно куда, вскочит как обезумевший фанат на стадионе и заорет, утирая слюнявые губы:

– Вперед, Анатолий, давай, блин, в президенты!..

Невдомек ему, что без использования государственных возможностей никакой гений от финансов просто не сможет даже опробовать такую схему, – мигом попадет под раздачу. Аккумулирование средств в секретных местах – неотъемлемый элемент государственной системы, и кто считает такие схемы воровством, глубоко заблуждается. Государство может все, а народ не может ничего, это я как дипломированный специалист в области государства и права, осознал давно. Государство касается народа постольку, поскольку промывает ему мозги и тайно или явно подталкивает его к совершению нужных ему действий, – либо под очередным флагом патриотизма отправиться на войну, либо играть до умопомрачения на бирже, либо вкалывать до шестидесяти пяти лет на тупой работе, либо влезть в какой-нибудь шикарный кредит с ипотекой в придачу.

А вот, интересно, что народ ответит, если его спросить:

– Люди, а этот черт из табакерки Великанов откуда вылез, вы его выдвигали?

Да ничего они не ответят, просто обескураженно пожмут плечами! В самом деле, как народ может кого-то выдвинуть, он – неорганизованная масса, и стоит только нам начать его

организовывать, мы, сознательно или нет, начинаем разделять и властвовать, выделять тех, кто есть государство, а кто даже рядом с ним не стоит и стоять не может.

Никакой народ уважаемого Анатолия Великанова на борьбу с «коррупционным режимом» не уполномочивал и уполномочить физически не может, а те, кто действительно его нашел, взрастил и уполномочил, теперь плюс ко всему собирают с народа деньги на борьбу с коррупцией, создавая еще одну статью расходов в бюджете простой семьи, задавленной долгами, и цель этой компании вовсе не какая-то там борьба, а развлечение масс, потому что любому становится весело, когда ему каждый день на пальцах зажигательно с юморком доказывают, что наверху правят одни жулики.

Так вот, возвращаясь к нашим баранам, в своем как всегда профессионально смонтированном и гламурно отретушированном ролике Великанов утверждал, что известный всем рудокоп и металлоинвестор Валентин Оскарович Елистратов с помощью офшорной схемы увел от налогов значительную сумму и приобрел суперяхту класса люкс под загадочным названием «ЕВО», сконструированную по последнему слову науки и техники.

Ролик мне попался случайно, и я, хотел было следовать по дебрям Интернета дальше, но произнесенное вслух имя, которое носит моя яхта, шарахнуло меня как обухом по голове.

– Все было бы до тошноты знакомо и до пошлости привычно, – продолжал зажигательно вещать Великанов, – по-

сколькx все эти левые яхты и самолеты нам давно набили оскомину, если бы не одно обстоятельство, – яхта приобретена благотворительным Фондом поддержки деятелей искусств, спонсором которого является Валентин Елистратов. Нам удалось выяснить, что итальянская фирма-производитель «Гермес» предъявила упомянутому фонду счет на тридцать четыре миллиона евро, и он практически мгновенно перечислил средства. А теперь... внимание, самое главное! Нам удалось случайно раздобыть в Интернете чрезвычайно любопытный документ – смету расходов «Гермеса» на строительство яхты «ЕВО». Поверьте, добыть его было не просто, он хранится так, словно является особо важным государственным секретом. Вот, вы видите на своих мониторах, все оформлено, как полагается, печати и подписи. Здесь перечисляются все работы вплоть до завинчивания болтов и все использованные при строительстве материалы вплоть до деревянных брусков и унитазов. Смотрим, смотрим и, наконец, доходим до графы «Итого». Что мы ожидаем увидеть? Конечно, сумму тридцать четыре миллиона евро!.. А что мы видим? Вы не поверите, но вот, черным по белому напечатано, вы сами видите... три миллиона четыреста тысяч евро! Граждане дорогие, вы можете такое представить?.. Я лично, когда увидел эту цифру, просто обалдел. Цена яхты «ЕВО» в десять раз выше ее реальной себестоимости! Хм, это по каким таким экономическим законам ее посчитали?.. Мы получили консультацию экспертов и выяснили,

что рыночная стоимость такой яхты при всем желании никогда не превысит потолок в семь миллионов евро. Из этого следует, что разница в двадцать семь миллионов осела на счетах «Гермеса». Самым маститым грабителям и ворам остается только мечтать о такой добыче! А теперь смотрите сюда, вот еще один документ, согласно которому «Гермес» покупает какое-то смешное количество акций у компании «Рудокопинвест» по цене, вы не поверите, ровно двадцать семь миллионов евро! Теперь догадайтесь с одного раза, кому принадлежит компания «Рудокопинвест»? Правильно! «Ево» она компания, «ево» – Елистратова Валентина Оскаровича. Между прочим, формально Фонд поддержки деятелей искусств выполнил свое предназначение, – яхта «ЕВО» подарена Сергею Владиленовичу Тарасенко, песня которого «Девочки меня целуют», как известно, не так давно стала суперхитом. Я сам иногда забываюсь и мурлыкаю ее, когда моюсь в душе: «Жизнь – маршрут для суперяхты, И не с бухты всё барахты, Девочки меня целуют, К суперяхточке ревнуют». Так вот, Сергей Владиленович, заканчивая свою передачу, я к вам обращаюсь. Было бы здорово, если бы вы написали продолжение этой замечательной песни, и у меня даже родился первый куплет: «Выплываю с кипрской бухты, Ух, ты, ах, ты, ух, ты, ах, ты, И не с бухты все барахты, ах, ты, ух, ты, ух, ты, ах, ты!»

Я не мог больше слушать весь этот бред, остановил ролик и вышел на свежий воздух. Солнце клонилось к закату,

кипрское побережье лежало на горизонте узкой полоской в голубоватой дымке.

Итак, мои милые спонсоры, якобы подарив мне яхту, намыли на мне около тридцати миллионов евро. Неплохо для начала!

Осадок в душе был настолько неприятным, что за целый месяц я не смог заставить себя сесть за стол и не написал ни одной строчки, а потом ранним утром ко мне на борт прибыл Рогожин и бесцеремонно поднял с постели.

– Молодцом, Владиленыч!.. Неплохо, я смотрю, ты здесь устроился. Пойдем, по рюмке чаю выпьем, перетрем кое-что.

Глава четвертая

Я думал, что мы будем, в самом деле, пить чай, но Рогожин несмотря на ранний час махнул стакан коньяка и хитро посмотрел на меня.

– Что с тобой происходит? Спонсоры недовольны.

– Точнее, спонсор. Елистратов, да?

Он секунду недоуменно смотрел на меня, а затем, сильно запрокинув голову, захохотал так, что едва не подавился шоколадной конфетой, которую перед этим небрежно бросил в рот.

– Понятно, – прекратив, наконец, смеяться и смахнув слезы с ресниц, сказал он. – Роликов Великанова насмотрелся. Ох и язва этот Великанов! Все не так просто, Владиленыч. Елистратов – всего лишь кассир, и ему глубоко наплевать на тебя и на твое творчество, он делает то, что ему приказывают. Есть люди гораздо более крутые, чем он, и именно они недовольны тобой. Бросай хандрить и срочно возвращайся к своим делам, а дела Елистратова тебя не касаются. Так у нас все устроено, и поверь, – Великанов тоже отрабатывает свой хлеб, причем такой, что тебе со своей скромненькой яхтой и не снилось.

– Я постараюсь.

– Вот и ладушки! Кстати, фронт работы я тебе привез. – Он повернулся и хлопнул в ладоши, словно фокусник. – Ми-

лена, хватит там на ветру стоять, с непривычки простудишься. Иди скорее к нам, я тебя с твоим Пигмалионом познакомлю!

В кают-компанию скромно вошла стройная девушка с роскошной гривой золотистых волос, замечательными синими глазами и такими правильными чертами лица, будто их, в самом деле, вырезал из мрамора мастер, не уступающий по своему таланту Пигмалиону. Она была в легких светлых шортиках и легкомысленной цветастой маечке, которая плохо прикрывала ее высокую грудь.

Эти две модные тряпки, едва прикрывавшие ее точеное тело, лишь усиливали впечатление. Мне показалось, что вошла богиня, в мозгу что-то вспыхнуло, сердце сладко екнуло, и я испугался, потому что давно не испытывал таких ощущений и с недавних пор, как говорил, искренне стал полагать, что больше в силу возраста не испытаю ничего подобного никогда.

Рогожин с нескрываемым наслаждением следил за моей реакцией.

– Давай, Владиленыч, берись за большое дело, – сказал он, когда Милена скромно присела на краешек дивана, – педагоги в Москве вынесли свой вердикт, они считают, что у девочки нет ни капли таланта, а я тебе заявляю, что мы будем крупными идиотами, если не сделаем из этого очаровательного существа знаменитую певицу.

Так я, напрочь забыв о Елистратове и всех темных де-

лах, связанных с моими таинственными спонсорами, занялся лепкой своей очередной Галатеи. Вначале она смеялась, думала, что дело наладится само собой, однако, как всегда, все оказалось не так просто, – у нее решительно ничего не получалось. Слова она безбожно путала, а в ноты попадала так, что мне хотелось заткнуть уши.

То, что Милена очень понравилась мне с первого взгляда, играло теперь с нами плохую шутку, потому что я не мог применить свой обычный метод – хардкор. Суть его состояла в жесткой требовательности к ученику и переносе самой черновой работы на первые минуты после раннего подъема. Встал с постели и бегом в студию на запись – одна неделя. Встал с постели, принял ледяной душ и галопом в студию на запись – вторая неделя. Встал с постели на полчаса раньше обычного и прыжками кенгуру в студию на запись – третья неделя. Встал с постели на час раньше обычного, сделал пробежку по палубе и живо в студию на запись – заключительная неделя.

Метод был проверен неоднократно и действовал безотказно. За месяц мои ученицы, как правило, набирали форму и обязательно выдавали на-гора шедевр, – исполняли мою песню так, как мною было задумано еще при написании текста. В чем здесь секрет и почему этот метод всегда срабатывал, я не знаю. Главное, что он срабатывал! Видимо, он пробуждает некие мозговые ресурсы и позволяет человеку выключить своего внутреннего цензора, который, словно злобный цеп-

ной пес, мешает ему обрести уверенность в себе и реализовать свои скрытые ресурсы.

Я безболезненно поступал так со всеми своими прежними ученицами, а с Миленой так поступить не мог. В итоге она спала до одиннадцати, до часу наводила туалет и загорала, до трех мы обедали в кают-компании и приступали к записи в лучшем случае часов в пять.

Затем нам снова хотелось чего-нибудь перекусить, а после еды тянуло в сон, или хотелось полежать в горячей ванне (я разрешил ей пользоваться моей ванной комнатой), и так продолжалось изо дня в день. Мы прекрасно проводили время вдвоем, с ней было удивительно легко и приятно общаться, она вовсе не была дурой набитой, какими обычно бывают писанные красавицы, а в один из вечеров на закате мне удалось показать ей, как я в открытом море кормлю рыбой дельфина, которого мне удалось приручить, и она восторженно хлопала в ладоши словно четырехлетняя девочка.

Все, что касалось отдыха, было просто великолепно, однако надо было работать, и здесь радость прекращалась. Вместо плодотворного труда мы получали лишь одну сплошную муку.

Я не мог повесить на нее голос, просто не мог, хотя все мои певицы-звездочки могут подтвердить, каким зверем я иногда бывал, когда у них что-то не получалось. В ней поразительным образом сочетались благородные манеры и непосредственность неискушенной деревенской девушки.

Короче говоря, я влюбился по уши, и работа не клеилась. Рогожин каждый день звонил мне по телефону и теребил, а я в ответ, конечно, обещал, но на самом деле не знал, что делать.

Понятия не имею, чем бы все закончилось, если бы в одно прекрасное утро Милена не задержалась к завтраку. Я долго ждал ее и, не дождавшись, осторожно постучал в люк ее каюты.

– Войдите, – глухо сказала она.

Я вошел. Она, свернувшись калачиком, лежала на кровати под тонким пледом, и можно было бы сказать, что ревела белугой, если бы не полная тишина. С таким набухшим зареванным лицом в самом деле обычно режут в голос, но она лежала молча.

– Милена...

Она приподняла голову и посмотрела на меня затравленным взглядом.

– Я, в самом деле, бесталанная, Сергей Владиленович! Кто, какой идиот внушил мне, что я способная? У меня нет никаких способностей, только бедра красивые, и лицо как у японской Няши, вот все мои достоинства! О, я, наверное, не выдержу и брошусь за борт...

Она уронила голову на подушку и закрыла глаза. Сдерживаться, похоже, ей стало невозможно, и раздался сдавленный плач.

Вот чего я не мог выносить, так это женских слез! Ситуа-

ция, похоже, стала заходить нас в окончательный тупик.

Я присел у нее в ногах, нежно провел рукой по ее бедру, изгиб которого даже сквозь плед действительно был очень красивым, и она озадаченно притихла. Мне многое хотелось ей сказать, и по работе, и в личном плане, однако я прекрасно понимал, что любое мое слово все испортит. Я словно двигатель с забитым напрочь фильтром или безнадежно протекающим маслопроводом еще работал, но в любой момент мог выйти из строя. Сердце мое чувствовало, что Милена создана для меня, но ее власть надо мной крепко мешала нашей совместной творческой работе. Мне хотелось не талант из нее выжимать, а на руках носить, вот в чем была проблема!

Вдруг она села в постели, взяла мою руку в обе свои и, словно это была рука патриарха, отца родного, благоговейно поцеловала ее. Сладостный ток пронзил мое тело, и отнюдь не отцовские переживания властно схватили меня за горло.

– Сергей Владиленович, я верю в вас как в бога! Я вижу, – вы очень стесняетесь меня. Прошу вас, не стесняйтесь! Я – обыкновенная земная баба, просто с некоторым шармом, вот и вся разница, то есть разницы практически никакой. Все, что вы мне скажете, я сделаю! Только, пожалуйста, скажите...

После этого трепетного разговора все, что внутри меня стояло на голове, вернулось обратно на ноги. Я не мог от нее ничего потребовать, но теперь требовала Она, а ее слово для

меня было словом богини.

Через две недели у нее прорезался голос, и она стала попадать почти во все ноты правильно, а через два месяца моего бешеного хардкора, от которого она плакала по ночам, — я слышал, проходя мимо ее каюты, — мы записали альбом.

Еще через месяц Милена поехала с моими песнями по России. Средства потекли почти сразу. Ставка, которую сделал Рогожин, как всегда, оказалась верной. Ее очаровательная внешность и особенный тембр голоса имели бешеный успех. Зрителю казалось, что с ним по душам разговаривает простая девушка, которая в то же время выглядела как воплощение всех его мечт.

— Сегодня я спою вам несколько песен, и все жизненные узелки, которые, конечно, есть у каждого, так устроена жизнь, обязательно развяжутся, вот увидите!..

Такими теплыми дружескими словами Милена неизменно предваряла свои концерты, и слова эти неизменно оказывались пророческими. Молва об Идее Фикс, такой сценический псевдоним она взяла по совету Рогожина, мигом разнеслась по провинциальным городам. Народ валил на ее концерты, словно на сеансы знаменитой ясновидящей. Действительно ли исполнение ею моих песен было настолько сильным по воздействию на судьбы людей или может быть зрители просто занимались самовнушением, созерцая ее на сцене, не знаю, не могу сказать, но популярность Идеи Фикс росла как на дрожжах.

Однако для того, чтобы пробиться на телевидение и радио, одной провинциальной славы было недостаточно. Требовалось хотя бы участие во всероссийском конкурсе, и Милена успешно прошла отборочные туры, однако все погубил концерт в Екатеринбурге, на котором присутствовал помощник местного губернатора по культуре, а также большие чины из правоохранительных органов.

Не знаю, какой жареный петух клюнул Рогожина в лысое розоватое темя, а может быть все дело было в том, что помощник губернатора шепнул ему свое пожелание, но Милена с триумфом исполнив мои песни, решила под занавес спеть суперпопулярную песню известного поэта, певца и композитора Александра Новикова «Город древний». После того, как она ее исполнила, разразился грандиозный скандал.

Вы, конечно, помните начало песни:

Город древний, город длинный,
Имярек Екатерины...

Так вот, Милена перепутала всего одно слово, но чего ей это стоило!.. Она спела:

Город древний, город длинный,
МИНАРЕТ Екатерины...

У автора песни в словах «имярек Екатерины» сквозит ирония. «Имярек» – анахронизм в языке, который употребляли, когда хотели сказать о некоем человеке.

Александр Новиков, насколько я понял, если нет, то пусть он меня поправит, обыгрывает это выражение с юмором,

мол, Екатеринбург – город некоей Екатерины, как будто не знает, что город назван в честь императрицы российской Екатерины Второй. Это тонкая ирония, и Милене следовало ее если не умножить, то хотя бы сохранить, однако она спела такое, что вместо всероссийского конкурса случился всероссийский скандал.

Журналисты, как по команде, принялись кусать ее, словно злобные псы. Хорошо, что Рогожин сохранил в тайне ее имя и фамилию, – в средствах массовой информации упоминался лишь ее сценический псевдоним. Сам Новиков сказал в интервью особо дотошной журналистке, что исполнение «Города древнего» Идеей Фикс ему лично понравилось, а то, что она оговорилась, не беда, у начинающих певцов еще не такое бывает, и не надо здесь выискивать какой-то злой умысел или, не дай бог, политическую подоплеку. В общем, он отнесся к инциденту по-человечески, с пониманием, однако его интервью не остановило компанию по дискредитации Идеи Фикс, а что такое дискредитация, если за дело берутся средства массовой информации, наверное, хорошо всем известно, тому есть многочисленные примеры.

Глава пятая

Тем не менее, интервью популярного автора и исполнителя песен ничего не изменило, оно утонуло в море публикаций музыкальных критиков, а затем в качестве тяжелой артиллерии подключились известные политики.

– Если ты вышла на сцену, то следи за тем, что поешь! Полная профессиональная непригодность.

– Одна дура одно слово перепутала, а страна вздрогнула... Нет, такое спускать нельзя!

– Она что, не понимает, какая сейчас напряженная международная обстановка?!.. Или поиграться захотела?.. А может ее кто-то надумил? Надо бы выяснить, кто ее финансирует!!..

Когда сюжет с Миленой мелькнул в новостях по главному российскому телеканалу, мне позвонил Рогожин.

– Все, Владиленыч, Милену сливаем, забудь о ней. Через пару дней к тебе прибудет молодежное трио «Бабушкины огурчики». Талантливые девчонки, но репертуар слабоват. Займись ими!

Две недели я мучился с «Бабушкиными огурчиками», они бесили меня своей бесшабашностью и детскими выходками, репертуар им кое-как поправил, девочки отправились на гастроль с моими песнями, и очень скоро о них весьма положительно отозвался один известный музыкальный журнал.

Кажется, у них все наладилось, но Милена не выходила у меня из головы.

Впервые мой успех меня несколько не порадовал, настроение было хуже некуда, и я позвонил Рогожину.

– Все, я соскакиваю. Кому возвращать яхту?

– Как соскакиваешь?.. погоди, не горячись.

Рогожин прыгнул на первый попавшийся самолет и в тот же вечер пил коньяк в моей кают-компании, которую я теперь перестал считать своей. Я вдруг понял, что без Милены просто не смогу жить и не напишу больше ни строчки.

– Ультиматум ставишь? – сказал мой великолепный импресарио с неподражаемым хохотком, прочитав объяснительную записку, которую я ему небрежно перекинул через кофейный столик.

– Нет, просто увольняюсь. Имею право?

– Конечно, имеешь, ты же гражданин, так твою, только что тебе дадут твои права, гражданин, – прозябание в вонючей «хрущевке» и ежедневные сводящие с ума раздумья о том, где взять денег?

– Я, кажется, все изложил в письменном виде. Без Милены ничего не получится!

Рогожин нагло ухмыльнулся.

– Нет, дружок, с Миленой ничего не выйдет, так что можешь съесть свою объяснительную на ужин.

– О, кстати, хорошая идея!

Я сходил в свою каюту, взял помповое ружье, которое

хранилось в тайнике над изголовьем кровати, вернулся в кают-компанию и направил дуло Рогожину под ноги.

– Закуси, Рогожин, моей объяснительной, тогда поверю, что ты в самом деле ничего не можешь сделать.

Мой ледяной тон и спокойная уверенность не на шутку его испугали.

– Владиленыч, бляха-муха, это не смешно. Убери ствол!..

Я картинно вогнал патрон в патронник.

– С Миленой твои кураторы поступили подло, а ты мог смягчить, мог, но палец о палец не ударил. Ты понимаешь, что вы сломали ее? Она вообще жива?!..

– Жива, жива!.. Убери ружье, кому говорю? Сцены он мне здесь устраивает, ковбой сраный!

Подрагивающими от нервного напряжения руками он достал из кармана пиджака записную книжку, черкнул в ней пару строк, вырвал листок и протянул мне.

– На, возьми, может быть, пригодится.

Я взял листок, на нем была написана фамилия Милены и указан ее домашний адрес. Рогожин шумно вздохнул, достал из кармана огромный алый носовой платок и оттер им взмокшую лысину.

– Пусть поет здесь, на яхте для гостей, но на большую сцену она не вернется никогда, запомнил?.. Больше ничего сделать для тебя не могу. Извини!

Я отбросил в сторону ружье и кинулся к нему, чтобы обнять, но он резко остановил меня властным жестом руки.

– Еще раз выкинешь что-нибудь подобное, клоун, разговор будет совсем другим!..

Глаза его сузились в щелочки, и на меня повеяло таким ледяным холодом, что сделалось не по себе. В тот же вечер он, весь взвинченный, улетел обратно.

Я долго думал, что могла означать зловещая фраза Рогожина, однако ничего не надумал. Ах, каким наивным я был тогда! Шестидесятилетний мальчик.

Разговор с Миленой состоялся в ее убогой однокомнатной «хрущевке» под грохот строительной техники, – прямо под ее окном в спешном порядке возводили очередной «карандаш», объект точечной застройки, – многоквартирный жилой дом, миниатюрный в проекции, зато огромный по высоте. Нечесаная, в мятом поношенном халатике она понуро сидела на не заправленной постели.

Миленка покрасила волосы и превратилась в эдакую ша-тенку с проседью. Удивительно, как одно лишь изменение цвета волос кардинально поменяло ее облик! Теперь она совсем не была похожа на ту девочку на яхте, – передо мной сидела зрелая женщина, и от того моя любимая была еще красивее.

– Извини, что так рано, боялся тебя не застать.

– Напрасно боялись, я три недели не выхожу из дома.

– Не стоило так переживать.

– Не стоило?.. Сергей Владиленич, мне дали такой текст, понимаете? Какой дали, такой я и спела. Могу пока-

зять. Вот, смотрите, черным по белому крупно напечатано: «Минарет Екатерины». В чем я провинилась?.. Все насмарку, и жить не хочется!!..

Я присел на кровать рядом с ней и тепло обнял за плечи.

– Мила, милая моя Миленочка!

Ее как будто прорвало. Она долго рыдала у меня на плече, и моя кожаная куртка стала мокрой от ее горячих слез.

– Гады они, гады...

Я ничего не говорил, только нежно гладил ее по спине и волосам, давая возможность выговориться. Наконец, она немного успокоилась, и ей, кажется, стало стыдно за свои слишком откровенные слезы, запахнутый халатик, брошенный на голое тело, и разобранную постель.

– Я должна привести себя в порядок...

Она хотела подняться, но я удержал и взял ее руки в свои. Она в замешательстве посмотрела мне в глаза, а потом вдруг по-детски светло улыбнулась.

– Я часто вспоминаю вашего дельфина. Как вам удалось его приручить?

– Он часто подплывал к яхте, я стал с ним разговаривать, и ты не поверишь, он как будто отвечал мне на своем языке, что-то насвистывал и щебетал. Все любят, когда с ними уважительно разговаривают, и дельфины не исключение.

– А я думала, что вы его рыбой приручили.

– Нет, вначале сложились отношения, а рыба стала приятным довеском. Я люблю тебя, милая моя девочка, очень

люблю...

Наконец-то я сказал эти слова! Давно хотел сказать и вот сказал. Дельфин помог, не иначе.

Она вся вспыхнула, затем вздохнула с каким-то облегчением, словно гора упала у нее с плеч, и доверительно положила голову мне на грудь.

– Таких мужчин, как вы, я еще не встречала. Им всем было нужно мое тело, а вы хотите быть со мной душой и телом. Согласитесь, есть разница...

Не буду утомлять читателя долгим разговором, который последовал дальше, мы снова смеялись и шутили, как когда-то на яхте, обсуждали, объяснялись и не могли наговориться. Суть в том, что в тот знаменательный день мы решили пожениться.

Свадьбу сыграли в огромном банкетном зале одного из известных московских ресторанов, гостями были все творческие группы, которые встали на ноги благодаря моему живому участию в их судьбе. Незаметно свадебное торжество превратилось в концерт моих песен, а в самый разгар действия, как всегда не пьянеющий от коньяка Рогожин вручил мне ключи от трехкомнатной квартиры в сталинской высотке на Котельнической набережной, – подарок спонсоров.

– Апартаменты готовы к заселению, но там голые стены, так что, ребята, обставьте все по своему вкусу и на новоселье не забудьте пригласить.

– А сами-то спонсоры где? – не удержавшись, сказал я,

хотя вроде бы не пил.

Рогожин вдруг разозлился не на шутку. Он вылупился на меня страшными глазами, вмиг ставшими не просто большими, а огромными, и его немного отвисшие упитанные щеки затряслись как у не на шутку рассвирепевшего бульдога.

– Владиленыч, так твою, хватит гарцевать, пили свое бревно, папа Карло, а Карабасы-Барабасы – не твоя забота! – зло прошипел он мне на ухо.

Я буквально опешил от такой реакции. Что такого крамольного я, интересно, спросил? Какие-то спонсоры шифруются так, словно они работают на оккупированной противником территории!.. Каково, а?

Впрочем, Рогожин быстро остыл и сгладил свою резкую вспышку прекрасными тостами. Опрокинув еще пару стаканов, он принялся развлекать гостей байками из своей полной неожиданностей жизни крутого импресарио, а затем непрерывно приглашал невесту на медленный танец и увлеченно шептал ей на ушко что-то такое, от чего она хохотала до упаду.

Под утро, когда гости легли кто где пластами и горланить мои песни было уже некому, мы с Миленой тихонько оставили их, переоделись и с благословения по-прежнему трезвого как стеклышко Рогожина улетели в Ларнаку. Работа требовала моего присутствия, как снег на голову свалились важные фестивали, и некоторым их участникам требовалась моя срочная квалифицированная помощь.

Вместо медового месяца у нас с Миленой была лишь медовая неделя, и я с трепетом вспоминаю ее до сих пор. Такого единения с женщиной до того момента у меня не было никогда.

Кто-то, конечно, может осудить, мол, человеку под шестьдесят, а он, кобель, туда же, запал на двадцатитрехлетнюю молодку, а нам вдохновенно вещает о душе и высокой любви. Своим недоброжелателям могу лишь ответить словами престарелого мужа Татьяны Лариной из «Евгения Онегина»: «Любви все возрасты покорны, Ее порывы благотворны!» А замечать отклонения от неких штампов в поведении других, – наша любимая народная забава, и никто никогда ничего не сможет с этим поделать.

Затем снова начались напряженные будни. Конечно, Милене очень больно было наблюдать за тем, как я зажигаю все новые и новые звездочки, в то время как она оказалась выброшенной за борт, причем навсегда. Вот когда проявились ее восхитительные душевные качества, и я лишний раз убедился, что не ошибся в ней.

Вместо того, чтобы срывать на чем-нибудь или на ком-нибудь зло или дуться в углу как мышь на крупу, она стала помогать мне налаживать контакт с моими ученицами. О, это действительно было отнюдь не простым делом!

Все они были, как правило, молоденькими, и по разным причинам, – обстановка в семье, влияние подруг и социальных сетей, несчастный роман, промывка мозгов по телеви-

зору, – имели много дури в голове. Милена в непринужденной обстановке «между нами девочками» говорила им тет-а-тет что-то, и после этого они вначале задумывались, а затем вдруг начинали ловить каждое мое слово.

Ах, молодость, молодость! Ты всегда мнишь себя правой и не умеешь слушать. Милена волшебным образом превращала моих легкомысленных беззаботных девочек во внимательных и дотошных учениц, и дела пошли гораздо плодотворнее.

Как-то раз я попытался узнать у нее, в чем секрет. Она долго отнекивалась, а в один из восхитительных вечеров, когда мы стояли на корме, провожая закат, и мой ручной дельфин забавно плескался неподалеку, она вдруг нежно обвила рукой мою талию и сказала:

– Сережа, ты просил рассказать мой секрет.

– Да, кстати, в самом деле, скажи, наконец, Мила, как у тебя так здорово получается?

– Здесь нет никакого секрета.

– Неужели?

– Я им ставлю послушать мои звукозаписи до и после знакомства с тобой, вот и все.

В самом деле, как просто! А я-то думал...

Сарафанное радио быстро разнесло слух обо мне, и многие наши миллионеры, и миллиардеры, давно мечтавшие о том, чтобы их дочери или любовницы стали известными певицами, выстроились ко мне в очередь. «Если она хоть раз

мелькнет по телевизору, заплачу немеряно», – вот формула сделки, которую они стали как один наперебой предлагать мне.

Рогожин, кажется, оттаял и начал снова довольно потирать руки, подсчитывая в уме прибыль. Теперь, кроме телевидения, радио и гастролей, появилась еще одна крутая статья доходов.

В редкие часы досуга мы с Миленой наслаждались уединением и возможностью побыть вместе. Мой дельфин, который теперь неотступно сопровождал наше судно, словно даму кавалер, тоже полюбил ее, и как-то раз она даже плавала у него на спине в открытом море, под моим чутким надзором, естественно.

Так проходили мои дни. Если я оставался ночью на палубе один, то неизменно смотрел на своей перстень, а затем поднимал вверх голову и благодарил таинственное звездное небо за то счастье, которое оно мне так щедро подарило. Тогда я, конечно, не мог знать, какое испытание готовит мне судьба, и никакого плохого предчувствия у меня не было.

Глава шестая

Некоторые творческие группы приезжали по второму разу, а «Бабушкины огурчики» гостили у меня на яхте целых три раза. Никогда не знаешь, что и когда выстрелит, и на Всероссийском конкурсе исполнителей современной песни трио «Бабушкины огурчики» завоевало почетное третье место.

Праздничный банкет в Кремле затянулся в виду присутствия больших руководителей, а на яхте меня с нетерпением ожидала дочь одного известного политика, жаждавшая попасть на Большую сцену. «Бабушкины огурчики» уцепились в Милену буквально клыками, да и не могла она лететь со мной, – утром следующего дня к нам должен был прийти мастер, чтобы собрать завезенную накануне английскую мебель.

У выхода меня перехватил какой-то генерал, один из кураторов конкурса, и потребовал выпить на брудершафт, затем у помощника президента Российской Федерации появилась ко мне пара вопросов о моей жизни и творчестве, в общем, на самолет я опоздал, мне не хватило каких-то пяти минут, и как я ни уговаривал строгих дам, обслуживавших рейс, все было бесполезно. Самолет я видел сквозь стекло в пятидесяти шагах от себя, он все еще стоял с прилипшей к его борту присоской посадочного рукава, а войти в него я не

мог, – посадка закончилась. Пришлось возвращаться домой, поскольку ожидать двенадцать часов следующего рейса я не мог физически, – настолько вымотался в те ответственные и напряженные дни.

– Приехали, – сказал таксист, а я и не заметил.

Очнувшись от вязкой не дающей отдыха дремы, я вышел из машины, и промозглый ноябрьский ветер цепко схватил меня за полы плаща. С набережной был хорошо заметен мой балкон, все окна квартиры погрузились в темноту, поэтому я решил, что Милена спит, и постарался войти домой как можно тише.

Едва я вошел, мое внимание привлекли странные звуки, похожие на ритмичные постукивания пальца о палец. Вся квартира в самом деле была погружена во тьму, однако коридор, который вел в ванную комнату, пересекал тонюсенький лучик, он просачивался сквозь плохо прикрытую дверь ванной. Странные звуки, несомненно, доносились оттуда.

Я подкрался к двери, осторожно открыл ее, и перед моими глазами предстала потрясающая картина. Милена с задраным вверх безнадежно испорченным вечерним платьем, упершись ладонями в раковину, стояла перед зеркалом, вся красная, но с каким-то странным безучастным выражением лица, а тихо посапывающий багровый от напряжения Рогожин, не сняв брюк, пристроился к ней сзади и, как было совершенно очевидно, старался на славу. Они были настолько увлечены процессом, что заметили мое не очень отчетливое

отражение в зеркале лишь после того, как я достал смартфон, включил камеру и навел ее на них, чтобы запечатлеть на память эту достаточно банальную, но весьма неожиданную для меня сцену.

Все встало на свои места! Я оказался крупным идиотом.

Рогожин, сволочь, подсунул мне вначале в качестве ученицы, а затем жены свою давнюю любовницу. Теперь в этом не могло быть никакого сомнения, достаточно было лишь взглянуть на трепетное соитие, – оно являлось для обоих столь же привычным, сколь и приятным.

Не знаю, чем Рогожин занимался, – карате или таэквондо, а может быть в юности он был королем пацанской подворотни. В следующий миг в воздухе мелькнула его модная черная туфелька. Страшный удар выбил смартфон из моих рук, и он вдребезги разбился, с лета врезавшись в угол стены.

– Срочно лети на Кипр, ковбой драный! Чего приперся, знай свое место...

Это было чересчур. Теперь настала моя очередь вспоминать навыки каскадера «Аква-трюка». Я захлопнул дверь и двинул по ней ногой так, что она раскололась надвое и, слетев с петель, вломилась внутрь. Раздался звон разбитого стекла, в след за ним – истошный вопль Милены. Чья-то кровь брызнула на кафель, но мне было все равно.

Ледяная жестокость и жуткая ненависть охватили сердце. «Гады», – вот и все, что я подумал в тот ужасный момент.

А дальше был бракоразводный процесс, который, судя по

всему, должен был быть недолгим. Достаточно известный и многоопытный адвокат заверил меня, что имущественные претензии со стороны жены будут отбиты скоро и быстро, и все, кажется, действительно к тому шло.

Рогожину сломанная мною дверь рассекла бровь, но претензий он не предъявил, – просто исчез с горизонта. Я пытался до него дозвониться, однако безуспешно.

Моя попытка продолжить творить на яхте окончилась неудачей. Прежнее вдохновение ушло, поэтому я просто подчищал хвосты, исполняя давние обязательства, а новых клиентов не брал, ссылаясь на здоровье. Физическое мое состояние было удовлетворительным, а вот в душе царили явные нелады, сам удивляюсь, как я тогда не сошел с ума.

Предательство и двуличие Милены не укладывались в голове! Она пыталась звонить, но я заблокировал ее номер, тогда она попросила моего адвоката устроить встречу, однако от свидания с ней я отказался категорически и добился того, чтобы адвокат послал ее куда подальше.

Суд склонялся в мою пользу, что было единственной приятной новостью в тот кошмарный период, как вдруг в одно прекрасное солнечное январское кипрское утро ко мне на яхту явился адвокат, пьяный в хлам. Я просто остолбенел, увидев на палубе поникшую, ссутулившуюся фигуру, и сначала не узнал его, так он изменился.

– Сергей Владиленович, мы проиграли процесс.

– Как проиграли?

– Вчистую!..

Я пытался расспросить подробности, но он был явно не в себе, глотал водку фужерами и плакал.

– Вы мне поверили, а я... я...

Пришлось отправить гостя в отель отсыпаться. Оставить его на яхте я не мог, у меня на борту все еще пребывала дочь известного политика, и мне не хотелось, чтобы эта безобразная сцена стала достоянием гласности.

Через несколько дней мировые средства массовой информации передали печальную новость, – тело известного российского адвоката было обнаружено на одном из пляжей Лимасола. Причиной кончины, по всей видимости, стало утопление, а в крови утопленника медики обнаружили какое-то немыслимое с точки зрения допустимой дозы содержание алкоголя.

До сих пор не знаю, сам ли он утонул, или ему помогли, думать тогда об этом было некогда, потому что на следующее утро мне пришло решение суда, и жизнь моя стремительно поехала по наклонной вниз. Все мое дело было вывернуто наизнанку!

Суд пришел к выводу, что я без каких-либо на то объективных оснований жестоко ревновал свою молодую привлекательную жену. В конце концов, я, побуждаемый надуманными подозрениями, нанес телесные повреждения другу семьи Ивану Рогожину, а саму жену испугал так, что она теперь состоит на учете у невропатолога, и медицинские про-

гнозы безрадостные. По решению суда, которое попрало все мыслимые и немыслимые законы, у меня было отобрано решительно все, и мои надежды на то, что мне останется хотя бы моя «хрущевка», не оправдались.

Недвижимость и прочее имущество на общую сумму около двух миллиардов рублей перешло в собственность Милены, а мне досталась комнатенка в бараке в подмосковном Кошкино. Барак был предназначен под снос, все удобства в нем были, как говорится, на улице, однако сносить его никто не торопился.

Я пытался подать кассационную жалобу, но теперь все кардинально переменялось, – адвокаты смотрели на меня, как на прокаженного, и никто не хотел братья меня защищать, а те, кто все-таки брался, оказывались конченными алкоголиками. Они лишь запутывали дело вместо того, чтобы его решать.

Всю мою жизнь теперь олицетворяло унылое и беспросветное существование в убогом аварийном бараке. Здесь постоянно чем-то воняло, а по ночам оглушительно трещал пол, – никогда раньше даже подумать не мог, что крысы, оказывается, могут так звучно грызть старую рассохшуюся древесину.

Творчество я забросил напрочь. Какое там творчество! Я был убит и раздавлен, словно каблук модной Рогожинской туфли не смартфон выбил из рук, а душу вышиб из тела.

Однако судьбе было угодно нанести мне еще один удар.

Я рассчитывал, что выведу хотя бы на старом багаже, у меня было в запасе около четырехсот песен, которые нигде еще не исполнялись. Каково же было мое разочарование и возмущение, когда все мои прежние друзья-продюсеры под разными предложениями отказались иметь со мной дело.

– Извини, старик, не тот формат!

Они как будто сговорились, на все мои просьбы неизменно отвечая почти одно и то же. Вот она – цена истинной дружбы!

Все мои друзья в действительности оказались друзьями успеха и денег. Когда беда вторглась ко мне в дом, все мои просьбы стали восприниматься лишь с одним чувством. Нет, это была не жалость, это было плохо скрываемое презрение!

Публика в бараке собралась довольно пестрая, здесь было с кем поговорить об искусстве, – все в полной мере понюхали изнанку жизни. Кто-то безвольно влез в кредиты и стал жертвой коллекторов, кого-то в силу доверчивости к власти сделали обманутым дольщиком, а кто-то попал на мошенников при продаже дорогой московской квартиры на Кутузовском проспекте и теперь запуганный до смерти радовался, что живет в бараке, а не на мусорной свалке.

Жизнь в наших доблестных апартаментах была ключом по-своему, – в выходные и по праздникам, а праздники здесь случались почти каждый божий день, самогон тек рекой, и неизвестно откуда взявшиеся пьяненькие, синие, но, тем не менее, не лишённые шарма женщины за стакан и сигарету

были способны на многое. Иногда появлялись вульгарно накрашенные девочки-школьницы, всем своим поведением давая понять жильцам любого пола независимо от возраста и внешней привлекательности, что за бутерброд с хорошей сосиской они готовы составить приятную компанию на вечер и ночь.

Слышимость была такая, словно все здесь было склеено из папиросной бумаги. За одной моей стеной жила совершенно подавленная и от того очень тихая пожилая женщина, она даже глаза на встречного человека боялась поднять, а за другой обитал бравый дядя Слава, так его звали все, и стар и млад. Он всегда ходил в такой же как он сам замусоленной десантной тельняшке, хотя, глядя на него, я каждый раз сомневался, что он вообще служил в армии.

Вел себя дядя Слава как некоронованный король, словно все здесь ему были очень должны и многим обязаны. Всегда подшофе с вечной недельной щетиной он, помятый, взъерошенный и ершистый, цеплялся к любому встречному, заговаривал ему зубы, а на самом деле сканировал на предмет наличия завалящей купюры, которую по каким-то понятным только ему признакам чувал в кармане жертвы. По его понятиям она обязательно должна была добровольно переключать в его карман.

В отличие от соседки слева этот товарищ тихо вести себя не умел. У него постоянно собирались гости, такие же как он худые, корявые, взлохмаченные, с бурыми и от того еще бо-

лее страшными лицами, насквозь прокуренные и проспиртованные. Пьяные мужские крики, безумный женский визг, звон разбитой посуды, слоновье топанье ногами и какая-то пошлая музыка (где они ее записали?) раздавались из его комнаты днем и ночью, а стена сотрясалась так, словно он сам или его собутыльники с разбегу бились в нее головой.

Я жил на те средства, которые накопил на сберкнижке еще в те времена, когда не был знаком с Рогожиным, и суд, слава богу, не арестовал этот мой банковский счет. Первые месяцы пребывания в бараке я все никак не мог поверить в то, что со мной произошло, и все еще надеялся на пересмотр вопиющего судебного решения, а когда стало ясно, что дело заказное, и Рогожин слил меня окончательно и бесповоротно, наступила апатия, и я стал похож скорее на привидение, чем на реального человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.